

ПЕВЕЦ НАРОДНЫЙ

К 70-летию Михаила Исаковского

Есть имена в нашей русской советской поэзии, которые занимают свое особое место. Иных поэтов, даровитых и даже очень талантливых, можно объединять в разные группы — по творческой направленности или тематике, по возрасту или чрезмерно шумному, но, увы, всегда временному успеху у читателей, по «интеллектуализму» и т. д. и т. п. Так одни становятся на какой-то стадии поэтами «комсомольскими», другие — «гражданскими», третьи — непонятными «индивидуалистами», четвертые — «лириками», пятые — «эпиками с завихрениями»...

В литературе, в частности в поэзии, все проходит испытание временем, и лишь оно, время, отсеивает из потока книг наиболее достойные, годящиеся наперед...

К числу таких очень немногих и я с откровенностью душевной отношу Михаила Васильевича Исаковского. И тут нет никакого «юбилейного преувеличения», на что мы мастера...

Мне доводилось писать о стихах М. В. Исаковского, пытаться проследить «первоисточники», в которых могла зародиться поэзия Исаковского. Я называл Пушкина, Некрасова, Есенина. Можно было бы назвать Кольцова и Никитина. Из современников, конечно, Твардовского, Ручьева, Смелякова, которые, несомненно, в чем-то близки Исаковскому или которым близок он. Но ведь вот в чем чудо поэзии Исаковского: она не похожа ни на чью, даже формально близкую ей поэзию! С поэзией Исаковского связана вся наша жизнь. Не трюмо потому, что Горький заметил в 1928 году первую книгу молодого поэта «Провода в соломе», а потому, что эта и особенно последующие были настоящими, наши отцы и матери в начале тридцатых годов называли нам это имя, и мы запомнили его на всю жизнь и, как говорится, слава богу, не ошиблись.

В школе мы читали «Родное» и «Политпросвет», «Все ту же даль» и «Рассказ о колыбельной почте», а когда в московских коммунальных квартирах появилось радио, зазвучал песен-

ный Исаковский с его «Вдоль деревни...», «Провожаемым», «И кто его знает...», «Катюшей».

Ныне у нас многие стихотворцы специализируются в жанре «песенников», но тут мне хочется напомнить им добрый пример Исаковского: он никогда не собирался писать песни, тем паче стать «песенником», а поэтом стал благодаря стихам своим, которые становились в том числе и песнями. Об этом, наверное, лучше меня рассказали бы П. Казьмин, В. Захаров, братья Покрасс, М. Блантер и многие другие композиторы, которые положили простые и вместе с тем блистательные по форме стихи Исаковского на музыку.

И, может быть, одно из самых точных подтверждений этого — особая судьба военной, или фронтовой, как мы говорили в ту пору, песни «Огонек»:

На позицию девушка
Провожала бойца...

Стихи эти, написанные на второй год войны, сразу же стали песней, и пели эту песню солдаты на разных наших фронтах. Знали, да и то не все, поэта Исаковского по старым довоенным стихам и песням, по тем, о которых я уже говорил, и по новым, военным — «Я вырос в захолустной стороне...», «До свидания, города и хаты...», «В прифронтовом лесу», «Ой, туманы мои...», «Есть во Восточном районе...», «Слово о России», «Возвращение», «Где ж вы, где ж вы, очкари?», «Лучше нету того цветку», «Русской женщине», «Враги сожгли родную хату», знали, любили, но автора самой любимой песни «Огонек» не знали. И я, признаюсь, не знал даже после Берлина, Праги, Вены, после многих месяцев в Будапеште, проведенных после войны...

Каким счастливым должен быть безымянный автор самой доброй, умной, патристической фронтовой песни, которую, побеждая, пели люди, так и не встретившие двадцать пять лет назад нашей Победы!

У Исаковского, действительно, своя судьба в поэзии, в жизни. Люди читают его по памяти, порой не зная, кому при-

надлежат стихи. Люди, а точнее вся страна вот уже многие десятилетия поет песни, сочиненные поэтом, и опять-таки не каждый из поющих или подпевающих скажет, что «Снова замерло все до рассвета», «Услышь меня, хорошая», «Летят перелетные птицы», «Каким ты был, таким остался», «Мы с тобой не дружили», «Ой, цветет калина...» или «Поросистой луговой...» принадлежат перу Исаковского. Конечно, в чем-то это плохо. Тут вина наших средств так называемой «массовой информации», которая иногда в силу увлечения, а подчас и в силу некоторых других обстоятельств забывает, что подрастают и растут новые поколения людей, не всегда знают то, что знали или знаем мы. А с другой стороны — это отлично. Прежде всего для самого Михаила Васильевича Исаковского, и для нашей поэзии, в которой есть Исаковский.

Те, кто знает Исаковского лично, могут сказать, что у него счастливая судьба. Стать поэтом народным в подлинном понимании слова — это величайшее благо.

Прочитайте автобиографическую повесть Исаковского «На Ельнинской земле» — книгу саму по себе удивительную — и вы зримо увидите путь в большую поэзию. Жаль, что книга эта очень еще невнимательно и несерьезно оценена нашей критикой, а ведь в ней Исаковский предстает отнюдь не в жанре мемуариста, а в новом качестве — блистательного беллетриста, прозаика более серьезного, чем иные «скорые» романисты...

Михаил Васильевич — человек поразительной скромности, больше того — застенчивости, и потому, наверное, пишет он куда больше, чем публикует. Но и то нечасто, что появляется у него в поэзии, и вот теперь — в прозе, это свое, настоящее... Не надо здесь применять известную поговорку «Лучше меньше, да лучше». Она не относится к Исаковскому. Его высокая требовательность к себе и высокое святое отношение к литературе определяют «продуктивность» и уровень написанного...

Я умышленно не приводил в

этих заметках ничего из Исаковского. Не приводил потому, что все читатели всех поколений знают Исаковского, как своего родного поэта, человека, не отделимого от своей судьбы и судьбы нашей Родины.

И все же я не могу не привести одно стихотворение Михаила Васильевича, которое, может быть, менее известно, чем другие, поскольку появилось не так давно:

Не жаркие, не летние,
Встают из-за реки,
Осенние, последние,
Остатки денки.

Еще и солнце радуется,
И синий воздух чист,
Но падает и падает
С деревьев мертвый лист.

Еще рябины алые
Всё ждут к себе девчат.
Но гуси запоздалые
«Прости-прощай!» кричат.

Еще нигде не выжогит,
И всходы — зеленые,
Но все пруды и лужицы
Уже застеклены.

И рощи запустелые
Мне глухо шепчут вслед:
Что скоро мухи белые
Закроют белый свет...

Нет, я не огорчаюсь,
Напрасно не скорблю:
Я лишь хожу, прощаюсь
Со всем, что так люблю!

Хожу, как в годы ранние,
Хожу, брожу, смотрю.
Но только «до свидания!»
Уже не говорю.

Не знаю, как другим, но мне эти «минорные» стихи Исаковского говорят об удивительно жизнеутверждающей силе его поэтического таланта. Таланта поистине народного певца, рожденного русской землей, народом русским и Советской властью.

Может быть, для иного литератора семьдесят лет — много. Для Михаила Васильевича Исаковского, зрелость которого настала раньше всех юбилейных дат, это лишь дата, лишь очередной жизненный рубеж.

Главное на этом рубеже — создание нового, столь же значительного, как и прежде.

Добра вам, Михаил Васильевич, от имени старых и новых комсомольцев!

Сергей БАРУЗДИН.